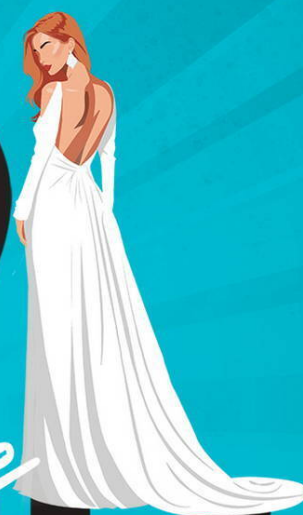

INSPIRIA

18+

красивые
КОЛЬЦА

сломанные
СУДЬБЫ

Брак по расчету. Чувства без правил

КЭТ СИНГЛТОН

INSPIRIA

Сурсаке. Горячие миллиардеры. Кэт Синглтон

КЭТ СИНГЛТОН

**Красивые кольца и
сломанные судьбы**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Синглтон К.

Красивые кольца и сломанные судьбы / К. Синглтон — «Эксмо»,
2024 — (Curses. Горячие миллиардеры. Кэт Синглтон)

ISBN 978-5-04-249702-5

Брак по расчету. Чувства без правил. Более 300 000 000 просмотров в TikTok.

То, что началось как скандал, стало любовью на всю жизнь. Договорной брак между наследниками враждующих семей. Но для него это не просто сделка, а неожиданный шанс... Один скандал — и жизнь Винни рухнула. Теперь ее единственное спасение — брак с Арчером Муром, наследником враждебной империи, которую она училась ненавидеть с детства. Сделка проста: притворяться влюбленными, пока все не уляжется. Но Арчер играет по своим правилам. И с каждым днем граница между ложью и правдой стирается. Его прикосновения заставляют забыть обо всем, а взгляд обещает то, чего быть не должно. Когда чувства берут верх над разумом, остается один вопрос: достаточно ли любви, чтобы исцелить то, что было сломано поколениями? «Кэт Синглтон знает, как писать романы о миллиардерах. Она — одна из лучших в этом деле!» — Моника Мерфи, автор бестселлеров по версии New York Times Кэт Синглтон полюбила писать и читать еще в раннем возрасте. В своих историях она пытается показать настоящую любовь, без прикрас. Она верит, что книга не закончена, если перед счастливым финалом персонажи хотя бы чуть-чуть не помучились и не столкнулись с препятствиями. Она живет в Канзасе с мужем, двумя детьми и двумя пуделями. В свободное время она выживает на айс-кофе и пытается успевать читать. Если вам нравятся душевные, эмоциональные современные романы, тогда вам понравятся книги Кэт Синглтон.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249702-5

© Синглтон К., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Плейлист	7
Примечание автора	8
1. Винни	9
2. Винни	12
3. Арчер	15
4. Винни	17
5. Арчер	20
6. Винни	24
7. Арчер	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кэт Синглтон

Красивые кольца и сломанные судьбы

Kat Singleton

Pretty Rings & Broken Things

Copyright © 2024 by Kat Singleton

© Конова В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2026

Моим девочкам, которые еще ждут, когда красавчик-миллиардер назовет их «моя жена» и угрожает на них кучу денег. У вас еще все впереди, обещаю. А пока... наслаждайтесь Арчером Муром.

Плейлист

End Game – Taylor Swift, Ed Sheeran, Future
Lose Control – Teddy Swims
Death of Me – WizTheMc
The Archer – Taylor Swift
The Best I Ever Had – Limi
Delicate – Taylor Swift
Say You Love Me – Jessie Ware
Love Story – Sarah Cothran
Close – Nick Jonas, Tove Lo
Daddy Issues – The Neighbourhood
Meddle About – Chase Atlantic
Fetish – Selena Gomez (feat. Gucci Mane)
Say Yes To Heaven – Lana Del Ray
Those Eyes – New West
Capital Letters – Hailee Steinfeld, BloodPop
Ever Since New York – Harry Styles
Stockholm Syndrome – One Direction

Примечание автора

«Красивые кольца и сломанные судьбы» – это роман с миллиардером, договорным браком и разницей в возрасте. Здесь полно подколов, милых моментов и сцен, которые заставят вас краснеть. Надеюсь, вы полюбите Винни и Арчера так же сильно, как я. Это вторая книга в серии связанных одиночек «Миллиардеры в черных галстуках».

В «Красивых кольцах и сломанных судьбах» содержится контент для взрослых, который может подойти не для всех читателей. Пожалуйста, перейдите по ссылке на сайт, чтобы ознакомиться с полным списком предупреждений: authorkatsingleton.com/content-warnings.

1. Винни

Судя по тому, как уже началось мое утро, день у меня не задастся.

Первое, что наводит меня на эту мысль, когда я протягиваю руку, – холодная и пустая постель. Я продолжаю водить ладонью по шелковым простыням в надежде наткнуться на мужчину, с которым провела ночь.

Но, не нащупав его, резко распахиваю глаза и вижу, что в комнате никого нет, кроме меня.

Я сажусь, завернувшись в простыню, и, дрожа, оглядываюсь по сторонам, помня, что случилось ночью, и понимая, почему после он оставил меня одну.

Потянувшись, я провожу рукой по его подушке. Она холодная, но в воздухе еще стоит его аромат. Я запускаю руку под подушку – а вдруг что-то там найду. Он всегда оставляет записку перед уходом, если я еще сплю.

Но ничего не нахожу.

И даже когда бросаюсь к другой стороне кровати и смотрю на пол на случай, если попросту что-то не заметила, там тоже ничего не обнаруживаю.

В детстве у меня была няня, которая искренне верила в силу Вселенной. Она божилась, что мироздание всегда подскажет, что правильно, а что – нет. Еще не успев продрать глаза, шестым чувством я понимала: что-то тут не так. И подозрение лишь усилилось, когда я обшарила свою пустую квартиру и не обнаружила следов его присутствия.

Его пиджак не висел на спинке обеденного стула.

Возле кровати не стояла старая спортивная сумка черного цвета, которую он всегда носил с собой.

Казалось, будто Блейка тут и в помине не было.

Я беру в руки телефон, но и сообщения он тоже не оставил. Блейк несколько лет работал водителем на мою семью, а с тех пор, как впервые меня поцеловал, перед уходом на работу обязательно сообщал, когда вернется. Запиской, сообщением – чем угодно. Он всегда давал понять, что думает обо мне.

А теперь я сижу тут ни с чем. И меня бы это так не волновало, если бы вчера мы не занимались сексом.

Когда я пытаюсь дозвониться до него и включается голосовая почта, меня охватывает ужас. Я звоню еще три раза, после чего сдаюсь. Я уже готова бросить телефон на кровать и обо всем забыть, как вдруг сотовый звонит.

На экране высвечивается номер отца. И снова внутреннее чутье подсказывает: что-то случилось. Что-то до ужаса плохое.

Я сбрасываю папин звонок, надеясь, что он просто хотел пригласить меня на обед. Сердце гулко бьется в груди, пока я жду, позвонит ли он снова. Мы давно не виделись. Может, он и правда хочет со мной пообедать? Или пригласить на званый вечер, о котором я не знаю?

Когда папа опять звонит, я понимаю, что причина явно не в этом. Он никогда не набирал больше одного раза, рассчитывая, что я перезвоню, если увижу от него пропущенный вызов.

Я меряю шагами ванную, пытаюсь решить, как поступить. Зная, что игнорировать его не получится, кладу телефон на холодную мраморную столешницу и провожу пальцем по экрану. Перевожу на громкую связь – от страха руки дрожат так, что мне ни за что на свете не удержать телефон.

– Пап, привет, – выдавливаю я, чувствуя, как от ужаса перехватило дыхание.

В динамике слышится громкий вздох. Вздох разочарования. Я всю жизнь положила на то, чтобы не слышать от него таких вздохов, но сегодня все начинается хуже обычного.

– Винифред, – гаркает отец. – Живо в мой офис. – И отключается, прежде чем я успеваю спросить зачем.

Плохо. Все так плохо, что я стою, замерев, и смотрю на свое отражение в зеркале. Я плотнее закутываюсь в простыню, вдруг устыдившись того, что допустила вчера вечером.

Несколько месяцев я пыталась найти способ сказать Блейку, что еще не готова ложиться с ним в постель. Знала: нельзя связываться с тем, кто работает на мою семью, но все равно это сделала. Понимая, что наши отношения недопустимы, я не торопила события, но вчера вечером больше не захотела ему отказывать.

Мне казалось, что он влюбился в меня, что наши чувства взаимны. И я готова была перейти на следующий этап в надежде, что потом мы вместе признаемся моей семье.

А вместо этого, дав ему наконец то, о чем он просил несколько месяцев, я просыпаюсь одна.

И что это значит?

Я пытаюсь подавить страх и неуверенность. Блейк организовал волшебную ночь, неожиданно оказавшись у меня дома, когда я вернулась с вечеринки, устроенной компанией. Приготовил мне ужин и зажег в ванной свечи.

Я ничего плохого не сделала, наконец поддавшись страсти. Разве что переспала с тем, кто работал на нашу семью. Но я знала, что папа простит меня, если я признаюсь, что мы с Блейком влюблены друг в друга.

Ведь влюблены же?

Глубоко вздохнув, я беру с туалетного столика расческу и провожу ею по длинным рыжим локонам. С большим усердием, чем обычно, пытаюсь распутать пряди, которые вчера ночью тербил Блейк.

Мне некогда укладывать волосы, так что я собираю их в гладкий высокий хвостик и надеваю на голову ободок. Из косметики наношу только тушь и немного румян, чтобы лицо было не таким бледным. Моя и без того светлая кожа совсем белая от нервов.

Я понимаю, что уже безнадежно опаздываю. Папа не уточнил, как скоро хочет видеть меня в офисе. Если потрачу много времени на подготовку, это только сильнее его разозлит.

Простынь падает на пол, и я иду к своему просторному гардеробу. И даже при таких размерах он все равно до краев заполнен одеждой. Я уже давно собиралась позвать свою лучшую подругу Эмму, чтобы она забрала все, что захочет.

Вешалки скрипят на штанге, когда я перебираю варианты, во что бы одеться. Понятия не имею, какова цель моего визита, и не знаю, что должна надеть.

Я все же решаю выбрать что-то элегантное, потому что моя обязанность – быть лицом сети отелей «Бишоп». Я посещаю вечеринки, появляюсь на собраниях и, в общем-то, делаю все, что мне говорят.

Я достаю из шкафа комплект из двух элементов от Chanel. Быстро надеваю белье и пару чулок, а потом юбку и пиджак лавандового цвета.

Я бы с радостью уделила больше времени выбору подходящей пары туфель и сумочки, но и так уже слишком долго копаюсь. Потому надеваю простую пару туфель телесного цвета и беру сумку, с которой была вчера, поскольку в ней уже лежит все необходимое.

Не удивляюсь, когда вижу в лобби Рика. Он стоит рядом с Франклином, моим любимым портье. Я все понимаю по натянутой улыбке Рика.

Я попала.

Глубоко вздохнув, иду за ним к лимузину. Рик ни слова мне не говорит. Обычно он бросает какую-нибудь фразу о погоде или рассказывает о своем недавно родившемся внуке. Но сегодня молчит, хотя на Манхэттен наконец пришли первые проблески осени.

В конечном итоге я не выдерживаю и спрашиваю:

– Насколько все плохо, Рик?

Он смотрит на меня через зеркало заднего вида.

– Он ничего не сказал. Просто велел поскорее привезти вас.

Чувствуя холодок, я откидываюсь на спинку сиденья, обитого темной кожей.

– Тогда все и правда плохо, – бурчу под нос, снова бросаю взгляд на телефон, но от Блейка так ничего и не приходило.

Страх не отпускает. Наоборот, за эту недолгую поездку до офиса он только усиливается.

2. Винни

До этажа, где находится кабинет отца, лифт ползет как улитка. Я думала, что Рик тоже поднимется, но он отказался, сославшись на то, что подождет меня в лобби. А он никогда не оставался в лобби. Ситуация не предвещает ничего хорошего, когда Луиза, помощница отца, которая во многом была мне как родная тетушка, даже не отрывает взгляда от компьютера, чтобы посмотреть на меня.

– Луиза, доброе утро, – с нежностью говорю я, надеясь, что она удостоит меня вниманием, но безуспешно.

– Он тебя ждет, – отвечает она, избегая зрительного контакта.

В ответ я лишь киваю.

Лучше поскорее с этим покончить. Не может же быть все так плохо? Самый худший мой проступок – отношения с подчиненным. Поступать так не следовало, но ведь это не конец света!

Я всегда делала то, что мне велят. Но это-то как раз и не могло расстроить отца. Проблема заключается в том, что больше я ничего такого не совершила. И это единственная мысль, которая крутится у меня в голове, когда я думаю, что такого срочного приключилось.

Может, ко мне это вообще не имеет никакого отношения. Может, просто что-то в компании стряслось.

Моя семья на протяжении нескольких поколений управляла сетью роскошных отелей. Знаю, что в последнее время папа работал над несколькими крупными проектами. Сейчас я особо нужна ему на публике, чтобы общественность видела: наша семья идет на контакт и проста в общении.

Сколько себя помню, отец не единожды напоминал мне об этом. С малых лет мне внушали, что наша семья *всегда* находится в центре всеобщего внимания. Что наши враги неизменно бдят за нами (а у моей семьи в бизнесе их хватало), и потому нам необходимо быть готовыми к любой трудности.

Когда я распахиваю двери отцовского кабинета, они кажутся тяжелее обычного. Я обвожу взглядом просторное помещение в поисках папы и, оторопев, понимаю, что он не сидит, как обычно, за столом. Сердце ухает вниз, когда я натыкаюсь на него взглядом.

Он стоит в самом дальнем углу комнаты, держа стакан. Странно, еще только утро. Папа, конечно, порой дает лишку, но обычно так рано не выпивает.

– Пап? – в моем голосе скорее звучит вопрос. Во рту сухо от волнения.

Он выпрямляется и переводит взгляд на окно. Из этого здания открывается лучший вид на город. Я удивлена, что папа стоит лицом к окну и спиной ко мне, держа в руке стакан, ведь большую часть времени он проводит за рабочим столом.

– Садись, Винифред, – его голос звучит сухо и безжизненно.

Я почти дрожу от того, что он назвал меня полным именем. Оно принадлежало моей прапрабабушке, и в реальной жизни никто так меня не зовет. Для всех я просто Винни. Но папа называет меня так, когда я не оправдываю его надежд.

Большое офисное кресло, стоящее по другую сторону стола, издает громкий скрип, когда я слегка его отодвигаю. Я стараюсь не производить лишнего шума и сажусь тихо, как мышка.

– Все нормально? – спрашиваю я, чувствуя отвращение от того, как униженно звучит мой голос.

По своей натуре я настоящая тихоня. Наверное, потому, что мою жизнь спланировали за меня еще до моего рождения. Не было никакого смысла говорить громко или высказывать свое мнение.

Более-менее свободной я почувствовала себя в колледже, когда познакомилась с Марго и Эммой, моими лучшими подругами. Но и тогда мне приходилось каждую неделю созваниваться с отцом, чтобы посвятить его в перемены, случившиеся в моей жизни. Я до сих пор гадаю, не обманула ли его надежды, не найдя себе богатого влиятельного жениха.

На семейных ужинах мне частенько напоминали о том, как я могла бы помочь родным, если бы вышла за человека, чьим влиянием можно было бы воспользоваться.

Я пытаюсь не думать, как огорчится отец, узнав обо мне и Блейке. Блейку нечего дать моей семье. У него за плечами трудное детство, о котором он не желал мне рассказывать. Ему точно нечем помочь моему отцу или сети отелей «Бишоп».

Наверное, поэтому он так мне нравится.

– Пап? – решаюсь я, чувствуя ползущие по коже мурашки от того, что отец до сих не сказал ни слова.

Он громко и скорбно вздыхает. А потом, наконец, поворачивается ко мне, и стоит нашим взглядам встретиться, как у меня внутри все переворачивается. На его лице – безмерное разочарование.

Не сводя с меня взора, отец идет к креслу. Оно скрипит под его весом. Папа с такой злостью сжимает подлокотники, что у него белеют костяшки пальцев.

– У нас проблема. Серьезная, – сообщает он сурово.

Я нервно постукиваю ногой по полу. К счастью, отцу этого не видно. Он не терпит проявления слабости, поэтому я не хочу, чтобы папа видел, как встревожили меня его слова.

Волнение усиливается.

– Что за проблема?

– Связанная с одним из ужасных решений, которые ты приняла недавно.

Я глотаю, подавляя ком в горле. Отец, воспользовавшись моим молчанием, открывает ящик и достает фотографию, шлепнув ею по столу. Увидев ее – точнее, что на ней изображено, – я открываю от удивления рот.

– Что? – охаю я, чувствуя, как дрожь сотрясает тело.

– Те, кто ее сделал, прислали еще много чего, – выплевывает он. – И видео, – добавляет он под конец.

– Не понимаю... – Я безостановочно моргаю, пытаюсь подавить слезы.

Не может быть!

– Блейк с утра пораньше притащил их моей помощнице. Он нацелился на нашу семью, Винифред. Как ты могла быть такой глупой?

– Что он сделал?! – голос прерывается на полуслове.

Удивительно, как при таком наплыве всяких-разных эмоций я вообще могу издать хоть слово.

– Он хочет свести счеты с нашей семьей из жажды мести. Угрожает разослать снимки и видео всем крупным таблоидам.

– Мести за что?

Вчера вечером я размышляла над тем, не влюбляюсь ли постепенно в этого мужчину. Думала, будто знаю его от и до. Наш тайный роман долго длился, и я подумала, что вчерашняя ночь стала первым шагом на пути к чему-то новому.

А оказалось, она стала и началом, и концом.

– Это мы еще пытаемся выяснить. Он не назвал причины. Просто сказал, что в этом нет необходимости, ведь теперь вся власть за ним, а не за нами.

Я откидываюсь на спинку кресла, боясь, что от беспокойства сердце выпрыгнет из груди.

– Я думала, он влю...

– Очевидно, ты не думала вообще! – взрывается отец. Я чудом не вздрагиваю от яда, звучащего в его голосе. – Как ты могла быть такой глупой? И давно это продолжается?

Я дрожу всем телом, пытаюсь придумать ответ. В чем толк оправдываться? На отца это никак не повлияет. Да и не знаю, смогу ли назвать достойную причину. Я была ослеплена тем, что считала любовью.

Блейк терпеливо ждал, когда мы переспим. Конечно, он явно расстраивался, когда я неизменно находила причину ему отказать. Но все же ждал. Он был нежным и внимательным, и я поверила, что, быть может, он меня любит.

Поверила, что я и сама в него влюбилась.

– Прошлой ночью мы впервые... – Я осекаюсь. Не знаю, почему так стыдно признаваться отцу, что мы с Блейком занимались сексом. Несомненно, он и сам в курсе, ведь Блейк прислал снимки и видео.

Папа открывает рот, но его прерывает телефонный звонок.

– Алло? – гаркает он в трубку и так резко хмурится, что посередине лба появляются две глубокие морщины. – Пригласи его, – говорит отец собеседнику.

У меня екает сердце. Он ведь не про Блейка?..

Я хочу спросить, с кем он разговаривает, но не успеваю. Папа переводит взгляд за мое плечо.

Дверь в его кабинет открывается, но в ушах стоит лишь шум крови.

Я не рассчитывала, что в комнату войдет Блейк. Но и не думала, что увижу зашедшего мужчину.

И его пристальный взгляд прикован ко мне.

3. Арчер

Мы встречаемся взглядами, как только я вхожу в кабинет.

Винни кажется очень напуганной, сидя в большом офисном кресле у стола: она втянула голову в плечи, словно от стыда хочет спрятаться.

– Доброе утро, Арчер, – приветствует меня Спенсер, отец Винни.

И хотя мой взгляд устремлен на нее, я замечаю, что он встает и обходит стол.

Она внимательно смотрит на меня, в изумлении приоткрыв сочные розовые губы. Я с трудом отрываю от нее взгляд, понимая, что не имею права так таращиться.

Я смотрю в глаза мужчине, которого моя семья всю мою жизнь считала врагом. Мы часто посещали одни и те же мероприятия. Возможно, мы вертимся в одном кругу, но Муры и Бишопы избегают встречи друг с другом любой ценой.

Между нашими семьями царит вражда с тех пор, как прадедушка Винни вместо партнерства облапошил моего прадеда. Эта война продолжается и по сей день, а наши с Винни отцы по-прежнему таят обиду.

Я мог бы переживать из-за того, как мои родственники повели себя в отместку за предательство, но не могу. По этой-то причине гостиничная империя, построенная моей семьей, намного успешнее, чем империя Бишопов.

– Благодарю за то, что согласился завершить нашу встречу лично, – продолжает Спенсер, протягивая руку.

Я крепко пожимаю ее, чтобы он понял, за кем теперь преимущество. По небольшой гримасе на его лице считываю: независимо от силы рукопожатия, он знает, кто тут главный. Не он, и ему это не нравится.

Сегодня с утра он связался с моим отцом. Ему понадобилась помощь в неприятной ситуации, в которую угодила его семья. Для меня стало неожиданностью, когда отец вызвал меня в офис и поведал новости о том, что Спенсеру Бишопу нужна наша помощь. Час мы обсуждали с ним все по телефону, после чего отец направил меня сюда, чтобы заключить соглашение.

– Через час у меня встреча, – коротко говорю я, не желая ходить вокруг да около.

– Садись, – предлагает Спенсер, показывая на стул рядом с Винни.

На миг мы встречаемся взглядами, а потом я вздыхаю и ставлю стул рядом с ней. Отодвигаю его чуть дальше, чтобы не оказаться под ее влиянием. Правда, не знаю, насколько мне нужно отдалиться, чтобы не ощущать сладкий манящий аромат ее парфюма.

Когда я расстегиваю пиджак и сажусь, этот запах окутывает меня.

– Винифред, как ты знаешь, это Арчер Мур. Он поможет нам исправить твою ужасную ошибку.

Меня бесит, каким тоном он говорит с дочерью – аж зубы скрипят. Интересно, Спенсер вообще заметил, как она дрожит? Или как сгорбилась от тревоги, возникшей от его слов? Винифред словно жаждет свернуться в клубок от его резкого тона и холодного взгляда.

– О чем ты? – кротко спрашивает она.

Я перевожу взгляд на ее отца. Лучше мне не знать, как он разговаривает с ней наедине, если так вольготно корит ее перед чужим человеком.

От гнева лицо Спенсера становится красным.

– Из-за тебя и твоего опрометчивого решения связаться с нанятым сотрудником мы бессильны.

Винни вздрагивает от его слов.

– Я даже не подумала...

– Вот именно, ты *не* подумала! Черт, – вырывается у него, и Спенсер зажимает переносицу пальцами. – Мы еще обсудим твой глупый поступок, а пока нужно сосредоточиться на решении этой проблемы.

Я давлю в себе внезапно возникшее желание подсесть к Винни поближе и положить ладонь на ее бедро, чтобы она перестала встревоженно постукивать ногой. Напротив, я складываю руки на коленях, чтобы держать себя в узде.

Сейчас я предпочел бы находиться где угодно, но только не в офисе президента «Бишоп Хотелс». Если бы меня попросил прийти сюда не отец, а другой человек, я бы послал его на хрен. И плевать, какого рода помощь нужна Бишопам, – от меня они бы ее не получили.

Но во мне прочно укоренилась потребность заставить отца мной гордиться. Это желание не разочаровать его у меня в крови – желание добиться его доверия, чтобы однажды он назначил меня президентом гостиничной династии Муров. И для этого я просто обязан был сегодня прийти. Я должен делать все, о чем попросят отец и Спенсер, но это не значит, что я горю желанием.

Видимо, Спенсер говорил, пока я мысленно перечислял причины, вынудившие меня сидеть в его кабинете, а не вылететь отсюда пулей и забыть обо всех своих обязанностях. Винни и Спенсер с нетерпением смотрят на меня, явно ожидая моего ответа или какой-нибудь реакции.

– Повтори, – приказываю я, пытаюсь сделать вид, будто внимательно слушал.

Спенсер, стараясь не смотреть на дочь, зло глядит на меня своими мелкими глазенками.

– Не хочешь поделиться с ней, в чем заключается план?

Я постукиваю пальцами по бедру. *Не особо*. Я бы не хотел прибегать к этому плану вовсе и согласился лишь потому, что «Мур Хотелс» приобретает крупную долю в «Бишоп Хотелс», а я войду в совет директоров в качестве управляющего.

Вся гостиничная индустрия будет потрясена этим перемирием, что предоставит моей семье еще больше власти на рынке. Отец на меня рассчитывает, поэтому так я и поступаю.

– Поделиться со мной чем? – едва слышно спрашивает Винни.

Я протяжно вздыхаю, чтобы успокоиться и скинуть немного напряжения. Никто не предупредил, что именно я должен сообщить ей плохие вести о нашем соглашении.

Я рассчитывал, что встреча со Спенсером пройдет наедине. Мы долго спорили, пока я не почувствовал, что моя семья вот-вот заключит одну из самых выгодных сделок. До ее заключения, до того как все поставят подписи, участие Винни во всем этом не требовалось. Но вышло так, что меня почтили невероятным удовольствием разрушить ее жизнь, сообщив, чего от нее ожидает отец.

Я прекрасно осведомлен, каким весом обладают отцовские ожидания. Если бы был более сострадательным человеком, то, возможно, почувствовал бы вину за то, к чему ее принуждает отец. Но меня не должно это волновать, поэтому сочувствия от меня она не дождется.

В кабинете повисает молчание, а я пытаюсь понять, как поведать сидящей рядом женщине, что ей придется связать со мной жизнь. Вздохнув, понимаю, что мягко о таком не сообщишь, но стараюсь не слишком задумываться о причине, по которой хочу поделиться с ней новостями как можно мягче.

– Мы женимся, – медленно произношу я, чтобы Винни сразу вникла в суть этих слов.

4. Винни

Я от природы была тихоней и всегда предпочитала слушать чужие разговоры, а не принимать в них активное участие. Но какой бы молчуньей обычно я ни была, ни одна новость не обескураживала меня настолько, чтобы я теряла дар речи.

Что сейчас и произошло.

Я моргаю, пытаюсь понять: а вдруг это просто ночной кошмар? Может, я еще лежу в своей постели вместе с Блейком? Я неосознанно провожу рукой по бедру и щипаю себя.

Нет, я *точно* не сплю, потому что это больно.

Я медленно сглатываю ком в горле, не понимая, что происходит. Отец и Арчер нетерпеливо смотрят на меня и ждут ответа.

От тревоги во рту сухо, и я наконец решаюсь:

– Что? Я не выйду замуж за кого попало!

Арчеру хватает наглости ухмыльнуться. В самом деле! Ухмылки не бывают холодными и расчетливыми, но у него именно такая. От нее у меня холодок по спине ползет.

Я снова щипаю себя, чтобы лишний раз удостовериться, что все происходит взаправду.

– Правильно, за кого попало ты и не выходишь. Ты выходишь за меня. Завтра, – произносит он как бы между прочим, словно всем известно, что мы должны обменяться клятвами.

У меня вырывается сдавленный смешок, в ответ на который отец раздосадованно на меня смотрит.

– Завтра? – еле-еле проговариваю я.

В горле как будто что-то застряло, а голова у меня начинает кружиться.

Что вообще происходит? Моя семья люто ненавидит Муров. Папа ни за что на свете не позволит мне выйти за Арчера. С тех пор, как у меня появилась личная жизнь, отец хотел, чтобы мой брак нес выгоду. А такие отношения точно не получают от него благословение.

Я жду, когда кто-нибудь из мужчин сам все расскажет, но они молчат. Я глубоко и судорожно вздыхаю, пытаюсь взять себя в руки. Перед глазами все расплывается, лицо пылает. Надеюсь, что ни Арчер, ни мой отец не заметят, что я вот-вот свалюсь в обморок.

– Извините, но я вас не понимаю. Я думала, мы собрались поговорить о Блейке. Каким образом свадьба с Арчером связана с Блейком?

Когда я произношу имя своего возлюбленного, пальцы Арчера, лежащие на коленях, дергаются. Краем глаза я замечаю, как он раздраженно вздыхает.

– Я рассчитывал, что ты расскажешь ей о соглашении до моего прихода, – возмущается он, наградив моего отца хлестким взглядом.

Папу, похоже, ничуть не пугает ярость в карих глазах Арчера. Ему удается сохранять спокойствие. Он глядит на собеседника с той же хмурой гримасой, которой поприветствовал и меня.

– Она опоздала, а ты пришел раньше. Я не успел. – На миг отец переводит взгляд на меня. Он даже не утруждается скрыть свое разочарование.

Я никогда не встречаю в отцовские разговоры – это правило я уяснила с детства. Я делаю то, что он мне велит, и все проходит гладко. Но сейчас мне так сильно хочется понять, что происходит, что я, не удержавшись, задаю вопрос:

– Пап, что случилось? Я не могу за него выйти. Я не понимаю!

– Ты не оставила мне выбора, – гаркает он.

Надеюсь, Арчер не заметил, как я вздрогнула от того, что отец повысил голос. Папа быстро встает, опрокинув стул, и наклоняется над большим столом, чтобы быть ко мне ближе.

Арчер кладет руку на подлокотник моего стула, словно защищая, но отец так разволновался, что на лбу у него вздулась вена.

– А из-за тебя я в безвыходном положении! Ты загнала меня в угол, связавшись по дурацки с подчиненным, хотя прекрасно знала, что я никогда бы не одобрил ваши отношения!

Я держу язык за зубами, понимая, что от пререканий с ним будет только хуже.

Но сама хочу сказать, что он подвергает тщательной проверке каждого сотрудника. Я знала, что встречаться с тем, кто работает на мою семью, не самая лучшая идея, но и вообразить не могла, что Блейк способен на такое.

– А там точно видно, что это я? – тихо спрашиваю, не желая знать ответ. – В комнате было... темно, – наконец выпаливаю я. То и дело возвращаюсь мыслями к прошлой ночи, хотя думать о ней противно после того, что сделал Блейк. – Я не видела камер. Он мне не сказал. Разве это не противоречит закону?

Арчер двигается так незаметно, что отец вряд ли видит, когда он берет мой стул и медленно придвигает к себе. *Он пытается меня защитить?* Я с удивлением смотрю на Арчера, пытаюсь понять, что происходит.

Теперь наши стулья стоят так близко, что я могу протянуть руку и взять его за локоть, если бы захотела. Я *не* хочу, но и выкинуть из головы этот душевный жест в минуту ярости моего отца не могу.

– Тебе не кажется, что я уже думал об этом? – выплевывает отец. Он поднимает стул и с глухим стуком падает на него, выглядя побежденным. – Уж поверь, я смотрел. Мои люди смотрели. Он установил скрытую камеру, и на ней четко видно, что это ты. Если мы отнесем запись в полицию, об этом тут же пронюхают журналисты.

От стыда я закрываю глаза. Я бы ни за что не позволила Блейку записывать нас. Меня передергивает от осознания, что это видео вообще существует. Что он снял нас, не рассказав мне. Мы несколько месяцев ждали этой ночи, которая должна была стать особенной, а он превратил ее в это.

Арчер прочищает горло и наклоняется вперед. Так он оказывается еще ближе ко мне. Я пытаюсь отодвинуться, но он просто удерживает стул бедром. Интересно, он понимает, что прижимает свою ногу к моей? Может, это у него такой странный способ утешить.

Но зачем? Арчер меня не знает. Мы ничего друг другу не должны. И все же он сидит рядом, прижавшись бедром, и ведет себя так, словно он на моей стороне.

– Никто не смеет трогать мою семью, – начинает Арчер.

Я не могу уговорить себя посмотреть ему в глаза. Лицо еще горит от смущения. Сколько людей видели этот интимный момент между мной и Блейком? Вряд ли я хочу знать число, но точно не хочу, чтобы это видео смотрел кто-то еще.

– Ко мне это не имеет никакого отношения, – говорю я, не отрывая взгляда от коленей – там, где соприкасаются наши ноги.

– Вообще-то... оно имеет к тебе самое прямое отношение. Если ты станешь моей женой, Блейк не обнародует эту запись. Он, конечно же, туп, но не настолько. У моей семьи связи с каждым изданием для любой аудитории. Они прекрасно осознают, что мы обанкротим их, если они опубликуют негативные материалы о любом члене семьи, а о моей жене уж тем более.

Я пытаюсь найти возражения на этот нелепый план. Сердце сдавливает от тревоги за мою жизнь, которая разваливается из-за того, что я доверилась не тому человеку. Я еле заметно качаю головой.

– Скоропалительной свадьбой эту проблему не решить.

Арчер приподнимает темную бровь.

– Конечно, решить. Ты станешь моей женой, и больше никто не посмеет притронуться к тому, что принадлежит мне. Пусть он – да любой другой – только попробует.

Свет, льющийся из панорамных окон, идеально ложится на его волосы. Пряди темные, но не слишком. Что-то между каштановым и черным цветом. Как цвет моего любимого пианино в детстве.

От его слов внутри все сжимается. *«Ты станешь моей женой»*. Это невозможно! Я вообще не хотела становиться чьей-то женой. Скольким мужчинам я отказывала, потому как не желала становиться чьей-то женой напоказ. И Арчеру это тоже не светит, даже если он прав.

Теперь понятно, почему отец обратился к семье, которую не выносит. Он знает, какой они обладают властью. Никто не посмеет пойти против Муров. Они слишком могущественны. Слишком безжалостны. И сейчас, наверное, только они могут помочь мне с достоинством выпутаться из этой передраги.

Я смотрю на отца, чтобы оценить его реакцию. Понимаю: он не хочет, чтобы наше имя чернили в прессе, но еще понимаю, как строится этот бизнес, – Муры наверняка многое запросили за эту сделку. Арчер в таком же положении, что и я. Женитьбой он мог бы добиться большей власти, и вряд ли я первая кандидатка на роль его жены. Если честно, я, наверное, занимаю последнее место в этом списке.

– А что ты дашь им взамен? – вырывается у меня, и я, прикрыв рот рукой, понимаю, что задала вопрос вслух.

Арчер тихо хмыкает, и я, посмотрев на него, вижу, что он смотрит на меня с тенью улыбки на губах. Я спрашивала не его – я спрашивала отца. Но отвечает мне Арчер.

– Многое, – слышится его самодовольный ответ, в котором нет ни капли раскаяния. – Теперь Муры станут полноправными членами правления «Бишоп Хотелс». А еще нам будет принадлежать тридцать процентов всего.

Я тихонько охаю и перевожу взгляд на отца.

– Ты не обязан идти на такой риск. Я поговорю с Блейком. Заставлю его передумать и отдать видео.

– Ни за что! – рычит отец, гневно раздувая ноздри.

Арчер подтягивает ноги и выпрямляется, сидя на стуле. Теперь наши бедра больше не соприкасаются, а я стараюсь не слишком задумываться о том, почему от потери контакта мне вдруг стало холодно.

Я перевожу взгляд на отца, пытаюсь отстоять свою позицию.

– А вдруг получится? Может, что-то случилось, и, если я просто с ним поговорю, пойму, в чем там дело, он передумает... – произношу я не так уверенно, как хотелось бы. Понятия не имею, как поступит Блейк, если я с ним свяжусь. Он не тот человек, которым я его считала. Нет, если так поступает. Но лучше попробовать, чем опрометчиво выходить замуж за мужчину, ненависть к которому во мне возвращали с детства.

Арчер качает головой.

– Нет, – это слово повисает в воздухе.

Он явно привык, что его беспрекословно слушаются. Арчер – единственный ребенок Тимоти и Пенелопы Мур. Наследник их компании. Всю жизнь ему внушали, насколько он важен. Какой огромной властью однажды он будет обладать. И понятно, что он знает, как заставить всех слушаться по одному его приказу.

Но я не его подчиненная. Я безнадежный романтик и всегда хотела выйти замуж по любви. Хотела, чтобы меня любили сильно и неистово. И потому я должна найти другой способ решить мою проблему, не выходя за Арчера Мура.

5. Арчер

Я и представить не мог, что она будет так упрямиться. Хотя чему тут удивляться? Я не так уж хорошо ее знаю. Все должно было быть согласовано еще до моего приезда, если бы ее отец потрудился исполнить то, что от него требовалось.

– Ты выйдешь за него – и точка, – гаркает Спенсер. Он в ужасе от того, что она вообще посмела с ним спорить. – И сделаешь это ради семьи. Ради всего, над чем мы трудились. И чтобы я больше не слышал возражений!

Я закипаю от того, каким резким тоном он с ней разговаривает. Это совершенно неуместно. Она ошиблась? Да. Но он гнобит ее за то, что она занималась сексом. Винни – взрослый человек. И переспала со взрослым мужчиной. Она не виновата в том, что тот оказался тем еще мудаком и воспользовался ею ради какой-то глупой мести.

Мне понятно ее нежелание выходить за меня. Я и сам был не в восторге, когда отец отдал распоряжение.

Просто я всегда считал ее девушкой, которая покорно исполняет то, что ей велят, но в нынешней ситуации она явно не желает идти отцу на уступки.

Глубоко вздохнув, я встаю и наклоняюсь над Спенсером, опираясь на его стол. Меня и так злит, что я наверняка пропущу следующую встречу, но эта важнее. Если вернусь к отцу, не оформив сделку до конца, он может отречься от меня и найти себе другого преемника.

Ему вынь да положь подписанный контракт. Он так и жаждет наконец заполучить часть акций «Бишоп Хотелс». Мы должны были стать партнерами еще много лет назад – до того как прадед Винни поделил «Бишоп-Мур Хотелс» пополам и оттяпал себе большой кусок.

– Мы можем остаться с Винни наедине? – смотря Спенсеру в глаза, неспешно произношу я.

Уверен, мужик он неплохой. А может, и нет. Моя семейка тоже нечиста на руку. Но мне не нравится тон его голоса, которым он обращается к дочери, несмотря на мою незаинтересованность в женитьбе на ней. Тут жертва – она, и я уже начинаю беспокоиться, почему сильно злюсь, когда он так с ней разговаривает.

Спенсер сощуривается, глядя на меня. Меня восхищает его попытка сделать вид, будто у него все под контролем. Это не так, и он знает. Я знаю. Винни тоже знает. Все козыри у меня на руках, и если я хочу наедине поговорить с его дочерью – с женщиной, которая завтра станет моей женой, – то никто мне не помешает.

– Если хочешь что-то ей сказать, говори мне, – возражает Спенсер и смотрит мимоходом на Винни.

Она молчит. Просто сидит с порозовевшими щеками и смотрит на нас с безразличием.

Я сухо посмеиваюсь. А потом, просто потому что могу, беру со стола Спенсера дорогую ручку из держателя. Вращаю ее между пальцами, качая головой. Снова смотрю ему в глаза уже безо всяких шуток.

– Скажу иначе: я буду говорить со своей будущей супругой наедине. Либо выйди из кабинета, либо отправь нас в более уединенное место. Тут уж тебе решать.

Спенсер громко хмыкает, не торопясь уходить. Верный своему слову, я закатываю глаза и поворачиваюсь к Винни.

– Иди за мной, – приказываю я и поднимаю ее со стула, схватив за запястье.

На мое удивление, она не противится – во всяком случае, поначалу. Но стоит мне притащить ее в небольшой кабинет и закрыть дверь, как Винни открывает рот и, вырвав руку из моей хватки, громко заявляет:

– Я не выйду за тебя, Арчер.

В этом небольшом кабинете помещаются только крохотный стол и старая картотека. Я оглядываюсь по сторонам, раздумывая, есть ли у него хозяин. Кабинет кажется пустующим. А вот в нашем главном офисе на Манхэттене яблоку негде упасть. Мы постоянно расширяемся, поспевая за спросом.

– Слышал? – прерывает мои размышления Винни.

Она стоит у окна в другом конце, оборонительно скрестив на груди руки.

– Да, – отвечаю я, прислонившись к стене, и повторяю ее позу.

Нас разделяет стол, но мы так испепеляем друг друга взглядами, что кажется, будто между нами нет ни одного лишнего сантиметра.

Мне претит ее унылый взгляд.

– То есть ты понимаешь, что я за тебя не выйду?

Винни меня удивляет. Для остальных она выглядит как идеальная куколка, которой отец вертит, как ему вздумается, но вдали от любопытных глаз, похоже, у нее на все свое мнение. И мне это нравится.

Запомню-ка я на будущее, что в этой Винни есть что-то непокорное. Я уже это видел.

– Ты выйдешь за меня.

У нее чуть не отваливается челюсть. Я пытаюсь не пялиться на ее совершенные розовые губы.

– Нет!

– Да.

Она раздраженно вздыхает, накручивая на пальцы волосы, собранные в высокий хвост.

– Арчер, договорные браки уже давно в прошлом, – напоминает она, уперев руки в бока.

Я дергаю плечом.

– Вот тут уж ты ошибаешься – сейчас такое сплошь и рядом.

– Если бы мне нужен был брак ради выгоды, я бы вышла за кого угодно, но только не за тебя. А мне многие предлагали.

В этом я не сомневаюсь. Она моложе меня больше чем на десять лет, но, когда окончила колледж и стала посещать светские мероприятия, все мужчины начали ее обсуждать. Все ее желали. Винни была красивой. А еще она единственная дочь человека, наделенного немалой властью. Да мужчины мечтали уложить ее в койку, чтобы добраться до ее семьи. Но она права. Насколько я знаю, она никому не давала согласия.

То есть не давала шанса никому с таким же социальным статусом. Оказывается, она выбрала подчиненного, который даже одним с ней воздухом недостоин дышать.

– Других вариантов у тебя нет.

Я поднимаю руку и сверяюсь со временем по часам, которые подарил мне дед в день выпуска из колледжа. Я уже опаздываю на следующую встречу, но не выйду из этого кабинета, пока она не поймет, что завтра мы встретимся у алтаря, хочет она того или нет.

Винни опускает взгляд в пол, переминаясь с ноги на ногу.

– Что-нибудь придумаю.

– У тебя нет времени, – качаю головой. – К завтрашнему вечеру этот больной извращенец обнаружит видео и снимки во всех таблоидах. – Я чешу затылок, желая, чтобы она просто согласилась, а я покинул этот кабинет, больше не оставаясь с ней наедине. – Помешать этому может только наша свадьба. Я разрешу СМИ сделать с нами съемку и интервью. Пусть все знают, что любая публикация о нас сначала должна быть одобрена мною лично.

Задумавшись, Винни кусает нижнюю губу. Я пытаюсь не держать обиду за ее опасливое выражение лица. Для меня она тоже непредпочтительный вариант, если такой вообще существует. Я не особо жаждал жениться, пока не представилась такая возможность. Сейчас трудно отрицать, сколько выгоды нам сулит эта помощь Бишопам.

– И долго? – застает она меня врасплох вопросом.

– Что?

– Долго нам оставаться женатыми? Брак ведь не по любви. Я хочу выйти за любимого мужчину. Сколько мне ждать развода? Что помешает ему опубликовать материал после нашего разрыва? Я ведь уже не буду под защитой твоей семьи.

Я поджимаю губы, пытаюсь скрыть улыбку. Вот черт! Она не перестает меня удивлять.

– Срока нет. Если захочешь, можем обсудить это через несколько лет. А потом ты станешь свободна от меня и будешь вольна выбирать, за кого хочешь замуж... по любви, – с сарказмом довершаю я.

– Не нравится мне твой ответ, – тут же парирует она.

Я отхожу от стены и огибаю стол, чтобы встать перед ней. Винни загнана в угол, бежать ей некуда. И снова – она так близко, что меня захватывает ее сладкий аромат.

Винни пытается вывернуться, вжавшись в окно. Она прижимает ладони к стеклу, быстро дыша. Вопреки здравому смыслу, я вторгаюсь в ее личное пространство, вжимаясь в нее грудью.

Если бы сейчас сюда кто-то вошел, эта поза показалась бы не такой невинной. Но мне плевать, как это выглядит. Я хочу достучаться до нее и, возможно, между делом даже немного раззадорить.

– Ты не в том положении, чтобы вести переговоры, – напоминаю я, блуждая взглядом по ее лицу.

Ее бледную кожу освещает дневной свет из окна, подчеркивая россыпь веснушек на щеках. Непохоже, что она часто бывает на солнце, и мне вдруг интересно: эти веснушки на ее коже круглый год?

– Наш брак продлится один год, – говорит она, на миг задержавшись взглядом на моих губах, а потом снова смотрит прямо на меня своими аквамариновыми глазами. – И всем скажем, что разошлись полюбовно. Что мы полностью друг друга поддерживаем. Может, иногда нас будут видеть за ланчем, как пару друзей. В таком случае Блейк ничего не предпримет после нашего развода.

Я подавляю в себе желание сказать, что после обмена клятвами нанесу Блейку короткий визит. Дайте мне несколько дней – и я удостоверюсь, чтобы он и словом не обмолвится, пороча репутацию моей жены. Даже если ею Винни будет не навсегда.

– Не вижу смысла вести переговоры, если преимущество и так на моей стороне. Пустая трата времени.

Пальцы дергаются от желания коснуться ее рыжих волос. В лучах утреннего солнца они кажутся еще ярче. Даже несмотря на то, что она аккуратно убрала их от лица, привлекая внимание к высоким скулам и миндалевидным глазам.

– Тебе и так много перепадет от моей семьи. И я понимаю: ты оказываешь нам огромную услугу. Но давай условимся на один год? Пожалуйста, – последнее она произносит так тихо, с такой мольбой, что у меня екает сердце.

Я уже давно не испытывал к кому-то жалости. И даже не могу припомнить, когда испытывал бы угрызения совести. Но на краткий миг, посмотрев в ее молящие глаза, я все это почувствовал.

Винни права. Мой отец так долго ходит вокруг да около, что выудил у Спенсера гораздо более выгодную сделку. Меня и мою семью вполне устроит и год, чтобы помочь предотвратить скандал. После того как оформим документы на развод, наша доля в компании будет больше.

– Вернемся к обсуждению нашего соглашения через год, – отвечаю я, пытаюсь не обращать внимания на то, как жмет в груди от улыбки Винни.

– Да? – Она чуть сдвигается, и на долю секунды мы оказывается слишком близко.

– Не раскатывай губу. Вдруг это соглашение придется продлить. Но я готов обсудить его. И сколько бы наш брак ни продлился, он должен выглядеть настоящим. Ты к этому готова?

Сперва Винни молчит. И так долго, что я уже сомневаюсь, даст ли она вообще ответ. Может, ей плевать на компанию отца? Может, я вообще ее не так понял и ей плевать и на свою репутацию?

Или, может, она просто пытается прикинуть варианты, будто имеет хоть какой-то контроль над ситуацией, хотя все мы понимаем, что это не так.

Винни опускает голову и бормочет:

– Скажи, чего ты хочешь.

6. Винни

Я стою слишком близко к Арчеру Муру. Меня обволакивает его аромат, а пахнет от него намного приятнее, чем от других знакомых мне мужчин. Запах изысканный, но проникновенный. Из тех, что задержится в воздухе даже после того, как Арчер покинет комнату. Мужчины, которые на вечеринках обычно приглашают меня на танец или водят на свидания, всегда пользуются одними и теми же одеколонами, словно не понимают, что пахнут совершенно одинаково.

Чего не скажешь об Арчере.

Его аромат кружит голову. Я так увлекаюсь, пытаюсь опознать, чем же от него пахнет, что пропускаю мимо ушей все, что он говорит.

На его губах появляется легкая улыбка. Почти неуловимая, но, по всей видимости, на большее он неспособен. Я слышана об Арчере Муре, одной из самых влиятельных фигур на Манхэттене. Женщины шушукаются о нем на каждом светском мероприятии. Он из завидных женихов, и я вдруг оказалась в ситуации, где вынуждена стать его женой.

– Винни? – напоминает о себе Арчер и протягивает руку, словно желая дотронуться, но в последний момент отдергивает ее.

– Да?

– Ты меня слушаешь? Я не любитель повторять дважды. Тебе еще предстоит это усвоить.

Я киваю, пытаюсь заглушить мысли о том, что скажу подругам. Они обе слишком хорошо меня знают, а врать я вообще не умею.

И теперь мне предстоит убедить их в том, что я влюбилась и вышла замуж втайне от них.

– Мы пришли к согласию? А условия нашего брака обсудим в следующем году после праздников.

Я задумываюсь: обозначенный им срок – это чуть больше года, поскольку сейчас только октябрь, но в словах Арчера есть резон.

– Ладно, – резко отвечаю я, еще не до конца осознавая, что происходит. Вчера ночью я легла в постель, думая, что влюблена, сегодня утром узнала, что мой мужчина меня предал, а теперь и вовсе вынуждена выйти за другого.

– И что, никаких возражений? – Арчер поднимает темную бровь, словно ждет, что я начну спорить.

В ответ лишь качаю головой. Я пытаюсь сделать вид, будто в моей власти вести с ним переговоры, но знаю, что это не так. Случившееся целиком и полностью моя вина, и я не допущу, чтобы это видео обнародовали. Я и так уже сильно подвела отца.

Когда папа решит уйти на покой, бизнес возглавит мой брат, но имидж семьи зависит в том числе и от меня. Любое плохое представление обо мне скажется на остальных, а я этого не хочу.

Тайсон работал на износ, чтобы перенять дело от отца, и я не хочу ему все испортить. И не хочу еще сильнее разочаровывать папу.

Арчер стоит в напряженной позе, обводя взглядом мое лицо.

– Не знаю, считать ли твое молчание ответом или уже начать беспокоиться, какие еще возражения назревают у тебя в голове.

На его ремарку я улыбаюсь. Удивительно, но я даже не думала, что у него окажется такая яркая индивидуальность. Впрочем, я совсем его не знаю. Арчер нечасто посещает вечеринки, но, даже если и приходит, остается для всех загадкой. Я считала его черствым и нудным. Может, чаще он такой и есть, но все же в нем больше индивидуальности, чем я предполагала.

Наверное, то же самое другие могли бы сказать обо мне.

– Я бы все отдал, чтобы прочесть твои мысли, – цедит он себе под нос.

Я мигом перевожу взгляд на него и вижу на его лице застывшую маску безразличия. Он произнес эти слова так поспешно и тихо... Интересно, были ли они вообще предназначены для моих ушей?

– Один год. Обсудим развод после праздников, – соглашаюсь я, жутко сожалея о том, что сама угодила в эту ловушку.

– Нет, после праздников мы обсудим наш брак. Некоторые всю жизнь живут в договорном браке, так что будь благодарна, что мы вообще будем обсуждать эту тему. – Раздувая ноздри, он окидывает меня испытующим взглядом, от которого я вся вспыхиваю. – И еще кое-что. Ты переедешь ко мне... не мешкая, – подчеркивает Арчер.

Я охаю:

– Мы так не договаривались!

– Договаривались. У отца поинтересуйся. После случившегося тебе нужно обеспечить защиту. С Блейком я и сам разберусь, но тебе больше ничего не остается, кроме как переехать в мой дом.

Я морщусь нос.

– Мне и в своей квартире прекрасно живется.

Он проводит языком по щеке и тяжело вздыхает.

– И с чего я решил, что ты станешь меня слушаться?

Я прикусываю губу. Наверное, мой отец задается тем же вопросом. И поделом мне – стоило один раз послушаться, как все обернулось против меня.

– Арчер, мы с тобой даже не знакомы. Не могу же я просто взять и в тот же день переехать к тебе.

– Завтра мы станем мужем и женой. С твоей стороны глупо считать, что ты будешь жить не со своим мужем. Нам придется жить в одном доме, чтобы не вызывать подозрений.

Он совершенно прав, но меня все равно это бесит. Мне нравится, что у меня есть личное пространство. Я не хочу от него отказываться и переезжать к человеку, которого почти не знаю.

– А если мне не понравится твоя квартира? – спрашиваю я.

Какой глупый вопрос! Но я взбрыкнула, потому что меня полностью лишили контроля.

Моя квартира в Нью-Йорке – единственное, что у меня есть. Я сама ее выбрала, когда переехала из Лос-Анджелеса. Сделала ее своей обителью. Но еще там полно воспоминаний, связанных с Блейком, и я сомневаюсь, что хочу вновь их переживать. Вообще-то я бы предпочла и вовсе забыть о существовании этого человека.

– Моя квартира и не должна тебе нравиться, потому что ты не будешь там жить.

– Ты же сам только что сказал, что мы должны жить вместе!

– Да. В здании напротив офиса у меня есть пентхаус, где я остаюсь, если приходится работать допоздна. Но сам я больше предпочитаю свой особняк в Верхнем Ист-Сайде. Там намного спокойнее.

– Я никогда еще не жила с мужчиной.

Его губы медленно растягиваются в ухмылке. Арчер отодвигается, и я вспоминаю, как близко мы стояли.

– Так ты сдашься и согласишься на мои условия или продолжишь зря тратить мое время? – Его слова кажутся резкими, но не их подача. Он произносит их так, словно едва сдерживает улыбку. Наверное, я задамся целью почаще его смешить...

– Я еще думаю, – честно отвечаю я.

Арчер наклоняет голову.

– О чем?

– О том, почему ты на это идешь. Ни для кого не секрет, что мой прадед всерьез обломал твою семью. Моим родным ты ничем не обязан. Коль уж на то пошло, может, я должна волноваться, не хочешь ли ты таким образом нам отомстить?

Арчер хмыкает и, подняв руку, теревит одну из своих запонок. Тем самым он легонько задевает костяшками пальцев мою грудь.

– Можно утверждать, что мы на вас уже отыгрались. За нами бóльшая часть рынка, чем у «Бишоп Хотелс». И расширяемся мы быстрее, чем компания твоей семьи. А еще у нас более высокий рейтинг удовлетворенности клиентов и сотрудников. Хотя врать не стану: теперь, когда нам будет принадлежать часть вашей фирмы, преимуществ у нас появится намного больше.

Я окидываю взглядом его лицо, переваривая его слова. Думается, причин у него гораздо больше, но пока мне даже в голову не приходит, какими они могут быть. Люди нашего круга постоянно женятся по финансовым соображениям. Если так подумать, то большинство известных мне браков – обычные деловые сделки, но то небольшое, что я знаю об Арчере Муре, наводит на размышления, зачем он вообще согласился на договорной брак.

– Винни, меня нельзя назвать терпеливым человеком. И сейчас я и правда испытываю свое терпение, но не вижу смысла, чтобы мы и дальше ходили вокруг да около. Твоей семье необходим этот брак. По правде говоря, он нужен и тебе. Соглашайся. Стань завтра моей женой. – Арчер медленно вздыхает, словно едва сдерживаясь. Возможно, мне мерещится, но на миг его взгляд падает на мои губы. – Позволь тебя защитить, – уже тише дополняет он с хрипотцой в голосе.

Сердце начинает гулко биться. Наверное, из-за всех пережитых с утра эмоций, ведь не может же оно так неистовствовать из-за человека, которого я едва знаю. В глубине души я знаю, что вся эта словесная баталия бесполезна. Если отец прикажет, я пойду на это, потому что так будет лучше для всей семьи.

Просто мне кажется важным дать свое согласие, сказать «да». А еще я очень хотела бы знать, почему чуть подсказывает мне, что скоро многое изменится.

Потому что так оно и есть.

– Хорошо, – шепчу я, устремив взгляд на его плечо, а не в глубокие карие глаза. Цвет у них очень приятный, но из-за темных нахмуренных бровей и бледной кожи взгляд кажется напряженным.

– Хорошо? – уточняет он.

– Арчер, мы оба прекрасно знаем, что выбора у меня нет. Завтра я выйду за тебя замуж. Но хочу, чтобы ты кое-что знал.

– Можешь поделиться со мной чем угодно, – он наклоняется ко мне.

На миг я замираю, потому что его фраза звучит... совсем иначе. В его словах сквозит... не боль, нет, но они кажутся вымученными. Меня вдруг осеняет, сколько женщин жаждут его внимания. Я слышала, как девушки, с которыми училась в одной школе, мечтали, чтобы он уделил им хотя бы минуту своего времени.

А теперь нам предстоит бесконечные мгновения вдвоем, когда я совсем того не желаю.

– Винни... – настаивает он хриплым голосом.

– Я выйду за тебя завтра, но знай: если бы у меня был другой вариант, я бы ни за что на это не пошла. Однажды я уже совершила ошибку, доверившись мужчине, и больше ее не повторю. Можешь называть меня своей женой, но не рассчитывай на мое доверие.

Не дожидаясь его ответа, я проскальзываю у него под мышкой и выскакиваю из небольшого кабинета. Открывая дверь, украдкой бросаю взгляд на Арчера. Он хмуро смотрит мне вслед, и на лбу у него появляются две крошечные морщинки.

Сперва я замираю. Хочу спросить, почему он кажется расстроенным моими словами, но передумываю. Я выхожу за дверь, оставив Арчера одного.

Теперь я увижусь с ним в день нашей свадьбы.

7. Арчер

– Все улажено? – спрашивает отец, смотря на меня через длинный стол в конференц-зале.

– А ты как думаешь? – парирую я.

Меня задевает его предположение, будто я мог вернуться, не скрепив сделку. Он растил меня не для этого. Я прекрасно знаю, что лучше не возвращаться без новостей, которые его порадуют. Или хотя бы не разочаруют.

– Хорошо, – отвечает отец, откинувшись на спинку кресла. – Я должен еще что-нибудь знать о сделке или могу быть уверен, что она состоялась?

Он только-только завершил совещание с застройщиками нашего нового проекта на Западном побережье. Я тоже должен был присутствовать, но Винни сорвала мои планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.